

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева»
(Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева)

кафедра философии

РЕФЕРАТ

**для сдачи кандидатского экзамена
по истории и философии науки**

**на тему: «Понятие сверхтекста в русском и зарубежном
литературоведении»**

Выполнил:
Кадин Ярослав Анатольевич
Кафедра: Литературы

Астрахань – 2023 г.

Содержание

Введение

Сверхтекст в русском и зарубежном литературоведении.

Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования.

Текстовая и сверхтекстовая картина мира.

Лингвокультурные особенности.

Заключение.

Список используемой литературы.

Введение

Человек выражает свои знания, мысли, чувства, желания, цели именно в текстах. В них мысль представлена в наиболее явном, дифференцированном и структурированном виде. Тексты репрезентируют культуру, в них она запечатлевает себя, свои семантические коды, позволяющие познать ее прошлое и настоящее и, следовательно, историю духовности человека.

Многоаспектный характер текста, обращенность его к различным областям знания и деятельности логично претворились в оформившейся во второй половине XX в. самостоятельной филологической науке – текстоведении (текстологии), которое изучает не просто «тексты как таковые», но включает в себя теорию дискурса-дисциплину текстового анализа, когда текст изучается в рамках социального контекста, когда выявляются не только его внутренние, но и внешние функции.

В лингвистике под текстом традиционно понимается «особая лингвистическая единица», характеризующаяся связанностью и целостностью и выступающая как инструмент, и продукт познавательно-коммуникативной деятельности, протекающей в процессе отражения действительности субъектом познания».

Большое внимание современных исследователей уделяется проблеме сверхтекста – некоторому множеству текстов, отличающихся высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое единство, как целостно-единое словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование, было инициировано известными работами В.Н. Топорова о Петербургском тексте.

При этом следует признать, что, во-первых, в силу объективных причин лингвистику в последние тридцать более интересовал гипертекст, нежели сверхтекст, во-вторых, что для обозначения сверхтекста часто используются номинации «гипертекста», а для обозначения гипертекста – термин «сверхтекст». Наличие разных терминов для обозначения одного и того же понятия, как использование одного и того же термина для обозначения разных понятий – это не только свидетельство неустоявшейся терминологической практики, но и отражение того, что феномены, стоящие за ними, обладают пересекающимися сферами и предполагают многоаспектное изучение.

Сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой целостностью. Данная дефиниция, хотя и отражает обобщенные черты сверхтекста, тем не менее, отмечена сужением его сущностных характеристик, поскольку она сориентирована, прежде всего, на так называемую «локальную» его разновидность, которую могут представлять модели сверхтекстов Петербургского, Итальянского, Венецианского, Пермского, Вятского, Лондонского и т.п.

Сверхтекст – это ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования, как составляющая ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы. Основными условиями проявления сверхтекстовой сущности является феномен «профилированного чтения» как вид культурной практики, усмотрение целостности ряда текстов, актуализация релевантных метаконцептов, отвечающих за выбор способа интерпретации текста, за переключение с одного кода семиотического осознания текста на другой, за переход из одного режима культурной практики («чтение для удовольствия») в другой (чтение «профилированное» профессиональное).

Сверхтекст – это динамическое, многомерное, кросс-темпоральное, кросс-референтное, актуально или потенциально кросс-персональное, полижанровое, полистилистическое образование, находящееся в зависимости от полагаемого автором (составителем, интерпретатором) сверхтекста принципа ценностно-смысловой центрации, которая предусматривает выдвижение в качестве приори.

Сверхтекст открыт для множества интерпретаций (количественный аспект), и поэтому для вариативных линеаризаций (качественный аспект) – то есть для прочерчивания определенных смысловых траекторий в нелинейном словесно-смысловом пространстве, но в соответствии с принципом центрации, не противоречащим авторской концепции текста. Сверхтекст проявляет системные свойства каждого из входящих в него текстов, при этом в той или иной его составляющей – отдельном тексте субтексте, подтексте в той или иной мере находят отражение свойства целого – сверхтекста.

Актуальность исследуемой работы. Возникновение сверхтекстов и потребность в их исследовании во многом определяются памятью культуры, настойчиво подталкивающей к рефлексии по поводу ряда значимых явлений в масштабах страны либо человечества, таких как Москва или Петербург в судьбе России, А.С. Пушкин в истории русской культуры и т.п.

Актуальность и значимость исследований по теории сверхтекста состоит в том, что в них данное понятие обретает статус научной реальности, непосредственного предмета научного исследования, таким образом преодолевается диахронический подход к изучению литературных текстов и утверждается в качестве равноправного подхода синхронический, вневременной. Актуальность темы исследования определяется, с одной стороны, интенсивностью исследования, посвященных проблеме сверхтекста в отечественной и зарубежной филологической науке, которая, в свою очередь, свидетельствует о том, что данная тема представляет для современной

филологии несомненный научный интерес, с другой – необходимостью систематизации различных интерпретаций и характеристик сверхтекста.

Материал и методика исследования. В данной работе систематизируются и анализируются ключевые интерпретации сверхтекста в современном отечественном литературоведении. Материалом для исследования послужили теоретические труды В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, Н.Е. Меднис, А.Г. Лошакова. Основными методами исследования являются структурно-функциональный, описательный, компаративный и сравнительно-сопоставительный.

Проблема сверхтекста приобретает в современном литературоведении все большую актуальность. Внимание к «некоторому множеству текстов с высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое целостное словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование».

Свертекст в русском и зарубежном литературоведении

Возникновение сверткестов во многом определяются памятью культуры, настойчиво подталкивающей к рефлексии по поводу ряда значимых явлений в масштабах страны либо человечества, таких как Москва или Петербург в судьбе России, А.С. Пушкин в истории русской культуры и т.п.

Проблема сверткеста приобретает в современном литературоведении все большую актуальность. Внимание к «некоторому множеству текстов с высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое целостное словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование», было инициировано известными работами В.Н. Топорова, посвященным петербургскому тексту.

Свертекст описывался ученым как целостное множество тематически родственных текстов, в которых преломилась общая установка на художественное постижение идеологически противоречивого образа Петербурга. В этой смысловой установке В.Н. Топоров усматривал один из ведущих факторов создания внутренней «суверенности» сверткестового построения, эстетического единства его плана выражения, в зависимость от нее ставил единый принцип отбора природных и культурных образов, постоянный набор компонентов и их связей, воспроизводимый состав предикатов, предсказуемый лексико-понятийный словарь, стабильный комплекс лейтмотивов, трагедийное звучание. В качестве важнейших характеристик сверткеста ученый назвал кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность. Значимость концепции «петербургского текста» В.Н. Топорова для теории сверткеста состоит не только в том, что в ней понятие сверткеста обрело статус научной реальности, непосредственного предмета научного исследования, но и в том, что эта теория преодолела диахронический подход к изучению литературных текстов, отделенных друг от друга временем и пространством, тем самым утвердив в качестве равноправного подхода синхронический, вневременной.

После выхода в свет работы В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» встал вопрос о существовании в русской литературе других сверткестов, поэтому представляется важным точное определение термина «свертекст».

По мнению Н.А. Купиной и Г. В. Битенской, «свертекст – это совокупность высказываний, текстов ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями морального/анормального».

Однако, как замечает Н.Е. Меднис, в данном определении «заявленная теми же авторами культуроцентричность сверткеста, то есть те внетекстовые

явления, которые лежат за рамками достаточно широких в данном случае текстовых границ и выступают по отношению к сверхтексту как факторы генеративные, его порождающие».

Далее Н.Е. Меднис дает собственное определение сверхтекста, следуя логике В.Н. Топоркова и учитывая точку зрения Н.А. Купиной и Г.В. Битеннской: «... сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью». Разрозненные тексты объединяются, согласно Н.Е. Меднис, в единый сверхтекст в том случае, когда их связывает прикрепленность к какой-либо общей внетекстовой реалии, которая становится порождающим фактором сверхтекста.

В понимании А.Г. Лошакова сверхтекст представляет собой ряд отмеченных ассоциативно-смысловой общностью автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве «целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования». Сверхтекст, таким образом, может квалифицироваться как составляющая ахронического лингвокультурного пространства, национальной текстовой концептосферы. Сверхтекст открыт для множества интерпретаций, не противоречащих авторской концепции текста.

А.Г. Лошаков констатирует наличие «сбывшихся» и «еще не сбывшихся» сверхтекстовых образований, которые, с одной стороны, отличаются друг от друга степенью известности среди носителей культуры, с другой – характером проявленной целостности. Соответственно правомерно выделение актуальных, актуализированных, потенциальных сверхтекстов.

Об актуальных сверхтекстах позволяет говорить факт усмотрения их целостности со стороны широкого круга реципиентов культуры и также эксплицитно заданный характер их целостности.

Статус актуализированных можно приписать тем сверхтекстам, целостность которых стала предметом рефлексии со стороны представителей узкой группы реципиентов, прежде всего филологов, критиков, их целостность осознаваема, но требует специального выявления со стороны аналитиков.

Что касается потенциальных сверхтекстов, то актуализация их целостности всецело зависит от культурно-временного и субъективного факторов. Разумеется, границы между данными разновидностями подвижны и устанавливаются с определенной долей субъективности.

Признак усматриваемый общности референта (события, ситуации, лица), объединяемой в рамках сверхтекста текстов, позволяет выделять различного рода тематические сверхтексты: событийные, локальные именные.

Так, если пространство сверхтекста организуется вокруг определенного ценностно значимого локуса, то имеем в виду локальный сверхтекст (петербургский, московский, итальянский и прочие тексты).

В том случае, когда сложная система интегрированных текстов направленно отсылает к образу прецедентной личности, персонажа (Байрон, Пушкин, Блок, Напалеон, Онегин и т.д.), событиям, связанным с тем или иным лицом, исследователи склонны говорить об именном сверхтексте.

Если референтом сверхтекста выступает событие, оставившее след в истории, культуре, литературе (Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война, Холокост и т.д.), то такой сверхтекст может характеризоваться как событийный.

Сверхтексты могут квалифицироваться и на основе критерия общности признака родовой, видовой, стилевой принадлежности, который позволяет выделять однотипно и неоднотипно структурированные сверхтексты. Критерий «степень структурной определённости» использован в типологической схеме Н.А. Купиной и Г.В. Битенской: однотипно структурированные сверх текстов состоят из однородных в родовом, жанровом, стилевом отношении текстов, а сверхтексты, неоднотипно структурированные, – из неоднородных текстов.

По наличию автора и его роли в формировании сверхтекста можно говорить о собственно авторских и квазиавторских сверхтекстах.

Собственно авторские сверхтексты представляют собой объединения текстов одного или нескольких авторов, включая случаи, когда автором выступает некое обобщенное лицо, народ. Среди них можно выделить индивидуально-авторские, коллективно-авторские, анонимно-авторские. Очевидно существование индивидуально-авторских сверхтекстов с эксплицированным указанием на их целостность со стороны автора. Они могут включать все тексты автора (авторов); тексты на определенную тему, написанные им (ими) в определенный период творчества и посвященные тому или иному лицу. Следует отметить, что о существовании в культурном сознании авторских сверхтекстов писали В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Н.Е. Меднис, Н.А. Кожевникова, Н.А. Купина и Г.В. Битенская и другие, что свидетельствует о сформированности в филологическом сознании представления о данном феномене.

Типичными образцами коллективно-авторских сверхтекстов являются сверхтексты-журналы, сверхтексты-газеты, сверхтексты-сборники. Как правило, целостность многих таких сверхтекстов мотивирована общностью мировоззренческой позиции коллективного автора, редакции. В этой связи уместно сослаться на мнение Ю.М. Лотмана о единстве «Московского журнала» Н.М. Карамзина: «Разнообразие материалов не противоречит восприятию всего журнала в целом как единого текста – монолога издателя».

Среди анонимно-авторских можно выделить, вслед за Н.А. Купиной и Г.В. Битенской, сверхтексты с обобщенной анонимной авторской позицией (в качестве примеров исследователи называют сверхтексты о Штирлице и Мюллере, о Василии Ивановиче; сверхтексты-лозунги), а также сверхтексты с

обобщенным характеризованным образом автора (в качестве примера – лагерная поэзия сталинской эпохи).

Авторские метасверхтексты представляют собой целостные объединения так называемых «вторичных» текстов, создаваемых на основе первичных. В число метасверхтекстов могут войти исследовательские работы, посвященные творчеству того или иного писателя или группе писателей (например, работы Ю.В. Манна, посвященные творчеству Гоголя; тематические сборники под общим названием «Pro et Contra»).

Квазиавторскими сверхтекстами (как и метасверхтекстами) можно назвать, те, которые возникают в издательской практике. Это так называемые составленные сверхтексты: различного рода сборники, альманахи, подборки, периодические издания, компоновка которых производилась не автором.

Таким образом, в литературе обнаруживаются разные типы сверхтекстов и филологи работают с различными их вариантами. Но при всей типологической вариативности сверхтексты отмечены рядом общих признаков, наличие которых, собственно, и позволяет в каждом отдельном случае вести речь о цельном тексте, правда весьма сложном и специфическом. Н. Е. Меднис выделяет следующие признаки сверхтекста:

2. Каждый сверхтекст имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе «внетекстовые реалии – текст» предстает как единый концепт сверхтекста: локус, взятый в единстве его историко-культурнографических характеристик; культурно-биографические характеристики для именных текстов.

Внетекстовый фундамент, как правило, имеет пространственно-временное обрамление, выступая как данность, нередко не подлежащая или слабо поддающаяся изменениям: Данте, Пушкин, Толстой; Венеция. Важную роль играют также особенности метафизической ауры текстообразующего города и специфика менталитета нации или лица-реципиента. Сверхтекст отбирает лишь те явления внеположенного бытия, которые оказываются определяющими, ключевыми, наиболее для этого бытия показательными.

3. Сверхтекст предполагает знание читателем некоего относительно стабильного и наиболее репрезентативного круга текстов, определяющих законы формирования художественного языка сверхтекста и тенденции его развития.

4. Синхроничность является необходимым условием восприятия сверхтекста в его текстовом качестве и столь же необходимым требованием при аналитическом описании, воссоздании того или иного сверхтекста. В синхронически представленном, как бы развернутом в пространстве полотне сверхтекста часто обнаруживаются важнейшие штрихи, не актуализированные в частных, отдельных субтекстах.

5. Важным признаком сверхтекста является его смысловая целостность, рождающаяся в месте встречи текста и внеположенной реальности и

выступающая в качестве цементирующего свертхтекст начала. При этом его смысловой план нередко представляет внетекстовые смыслы с максимальной чистотой и акцентированностью.

6. Необходимым условием возникновения свертхтекста становится обретение им языковой общности, которая, складываясь в зоне встречи конкретного текста с внетекстовыми реалиями, закрепляется и воспроизводится в различных субъектах как единицах целевого; иначе говоря, необходима общность художественного кода.

Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования

Внимание современных исследователей к проблеме сверхтекста – некоторому множеству текстов, отличающихся высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое целостно-единое словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование, было инициировано известными работами В.Н. Топорова, посвященными петербургскому тексту. Сверхтекст истолковывался ученым как такое целостное множество тематически сродственных текстов, в которых преломилась единая, но внутренне антитетичная теологическая установка на художественное постижение идеологически противоречивого образа Петербурга. В этой «монолитной» смысловой установке В.Н. Топоров усматривал едва ли не ведущий фактор создания внутренней «суверенности» сверхтекстового построения, эстетического единства его плана выражения, ибо в непосредственную зависимость от нее он ставил и единый принцип отбора природных и культурных образов, и постоянный набор компонентов и их связей, воспроизводимый состав предикатов, предсказуемый лексико-понятийный словарь, стабильный комплекс лейтмотивов, трагедийное звучание. В качестве важнейших характеристик сверхтекста ученый назвал кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность. Значимость, актуальность концепции «петербургского текста» Топорова для теории сверхтекста состоит не только в том, что в ней понятие сверхтекста обрело статус научной реальности, непосредственного предмета научного исследования, но и в том, что она явила образец преодоления, отрицания абсолютизации диахронического подхода к изучению литературных текстов, отстоящих друг от друга во времени и пространстве, и тем самым утверждения в качестве равноправного, самостоятельного подхода синхронического вневременного.

Нельзя не сказать, что о возможности такого подхода, его продуктивности в свое время писал А. Белый, М.М. Бахтин, Л. В. Пумпянский, Г.А. Гуковский и др. Так, охарактеризовав творческий метод Тютчева как «метод циклизации» («параллестический метод»), Л.В. Пумпянский показал, как в текстах поэта под воздействием тенденции к циклизации проявляются метафизические «тематические гнезда», создающие единую метафизическую поэтическую систему, в которой находит отражение авторская натурфилософская картина мира, более того единая европейская поэтическая метафизическая система. В понимаемой поэтической системе Тютчева, по мысли ученого, происходит смысловое взаимодействие («смещение», «наклон слова») тютчевских текстов, образов с актуализируемыми тестами, образами

старой антологической культуры, «русской юнговой культуры» (Державин, Бобров и др.), германских романтиков-метафизиков (Новалис, Крейцер и др.), а также текстами Бодлера, западных символистов и русских декадентов (Брюсов и др.). В характеристике ученого метафизической системы Тютчева просматривается взгляд на его произведения как на единый авторский свертхтекст. Безусловный интерес для теории свертхтекста представляют выдвинутые Г.А. Гуковским в 1940-е гг. положения о том, что произведение «растворяется» в групповом единстве иных произведений, поэтому отдельность произведения («мыслимое читателем единство») условна, ибо оно живет в ряду некоторого ряда других произведений, что «смысловая ткань данного отдельного произведения наполняется и реализуется в свете целого комплекса и единства, объединения произведений – традиции борьбы, направления, стиля». Эти положения позже получили развитие в трудах Ю.М. Лотмана.

Несмотря на широкое признание концепции «петербургского текста» В.Н. Топорова, тем не менее, в силу объективных причин, исследователи-тестоведы в последние тридцать лет более интересовались гипертекстом, нежели свертхтекстом. При этом для обозначения свертхтекста могла использоваться номинация «гипертекст» (наряду с термином «супертекст»), а для названия гипертекста в качестве его синонима – термин «свертхтекст». Наличие разных терминов для обозначения одного и того же понятия, как и использование одного и того же термина для называния разных понятий – это не только свидетельство неустоявшейся терминологической практики, но и отражение того, что феномены, стоящие за ними, обладают пересекающимися сферами и предполагают многоаспектное изучение. Из двух конкурирующих сегодня терминов – «гипертекст» и «свертхтекст» – мы отдаем предпочтение второму уже в силу его сопряженности с отечественной традицией интегрированных свертхтекстовых единств (В.Н. Топоров, З.Г. Минц, Н.А. Купина, Г.В. Битенская, В.В. Абашев, Н.Е. Меднис, В.М. Амиров и др.). Что касается термина «гипертекст», то он прочно закрепился, во-первых, в сфере компьютерных технологий; во-вторых, в теории генетической критики, в-третьих, в постмодернистском дискурсе, где понятие «гипер» является ключевым. Актуальная соотнесенность термина «гипертекст» с рядом разнородных явлений закономерно приводит к размыванию его понятийных границ.

Качественное расширение сферы объектов гуманитарного знания делает все более и более востребованным как сами понятия свертхтекста и гипертекста (в разных его пониманиях), так и той лингвоконцептуальной реальности, которая состоит за ними. Тем более что в порождении, понимании и преобразовании текстов, в их синтезировании реализуются мыслительные операции, которые заложены в системе языка. И в этом аспекте проблемы раскрытия словесно-концептуальной сущности свертхтекста, рассмотрения механизмов его функционирования в текстовой деятельности, описания

процессов, обеспечивающих его «внутреннюю жизнь», в настоящий момент приобретают актуальный и дискуссионный характер. Таким образом, разработка гибкой дефиниции сверхтекста (в работах В.Н. Топорова сверхтекст определяется описательно), его типологии, соотнесение его с о сходными или смежными с ним феноменами – гипертекстом, ансамблем, серией, циклом, решение вопроса о их разграничении, выяснении отношений между разного рода литературными инсталляциями – это, безусловно, насущные задачи текстоведения.

В сверхтексте проявляются системные свойства каждого из входящих в него текстов, при этом в той или иной его составляющей (отдельном тексте, субтексте, подтексте) в той или иной мере находят отражение свойства целого – сверхтекста. Цельность, понимаемая как паралигматический феномен, является конституитивным компонентом сверхтекста, обеспечивающим его концептуально-семантическую протяженность и коммуникативно-смысловую целостность. В сверхтексте проявление парадигм цельностей находится в зависимости от принципов его моделирования (интерпретации) – «внеаходимости» точки зрения интерпретатора; усматриваемой целостности; принципа релевантности нерелевантности тех или иных контекстов; центрации актуализируемых преакуализируемых смыслов и смысловых элементов.

В методологии науки понятие принципа как «части, содержащей объяснение других частей», является краеугольным. «Принцип организует материал с большей или меньшей мерой совершенства, - мотивирует, или осмысляет, целое, прокладываясь в его основание. Организующая функция принципа состоит в создании естественных связей между фрагментами содержания. Дискурсивному характеру мысли соответствует дискретность пространства системы, которая остается в единстве замысла введением оптимальных связей между составляющими системы».

Предварительным условием моделирования сверхтекста является профилированное прочтение ряда текстов, что некоторым образом должно очерчивать контуры потенциального сверхтекстового образования. Иначе говоря, реальность сверхтекста как объекта моделирования обуславливается принципом усматриваемой его целостности – презумцией целостности. Другим важным условием, непосредственно связанным с первым, является «внеаходимая» позиция, точка зрения интерпретатора сверхтекста, иначе – принцип «внеаходимости». Позиция «внеаходимости» позволяет устанавливать корреляции между моделируемыми авторской и читательской компетенциями, привлекая для решения этой задачи релевантную информацию из других, дополнительных источников, обращаясь к содержанию «вертикального контекста» (контекстам историческому, биографическому, культурологическому). И погружая в него, соотнося с ним сверхтекст.

Что касается принципов, обуславливающих специфику «внутренней жизни» сверхтекста, то их составляют принципы нелинейности,

контекстуальности, центрации актуализируемых смыслов. Контекст есть манера текстуальной рефлексии, в которой мы узнаем некое текстуальное бытие, некую интенциональность. Контекст всегда направлен на что-то. Контекстуальность как стратегия объяснения и понимания есть форма рефлексии текста и ее сущностное строение. С рефлексией связан и смыслоразвивающий потенциал текста.

Презумпция целостности сверхтекста, являясь результатом профилированного прочтения ряда текстов, устраняет необходимость учета линейности текста, порядка их следования, иначе говор, определяет содержание принципа нелинейного прочтения текста – принципа нелинейности. Это значит, что в нелинейное, многомерное, семантически диссипативное, открытое пространство серхтекста можно войти через любой его отмеченный цельностью архитектурный компонент, через любой составляющий его текст, как и любую цельную составляющую последнего, ибо целое сверхтекста отражается в каждой его части, а каждая его часть, обладая свойством свернутости или фрагментарности относительно целого, репрезентирует с той или иной степенью отчетливости свойства целого.

Природа сверхтекста диссипативна, его структура открыта, многомерна и подвижна, он не имеет четко заданных смысловых границ, что актуализирует значимость для его моделирования принципа релевантности/нерелевантности тех или иных контекстов. Это принцип обеспечивает потенциальную множественность интерпретаций, отнюдь не разрушая при этом целостности текстов-составляющих, напротив, позволяя конституировать новую, пусть и не жесткую целостность, которая проявляется на метауровне – в одном из модусов бытия сверхтекстовой системы.

Таким образом, принцип усматриваемой целостности сверхтекста вовсе не ограничивает свободы интерпретатора в целеполагании, напротив, данный принцип подразумевает, что интерпретатор сверхтекста волен исходить из тех или иных ценностно-смысловых установок (порождающего начала системности, параметров порядка), которые, однако, не должны противоречить авторской концепции. Эти установки обеспечивают проявление контура цельного релевантного фрагмента смысловой структуры сверхтекста (или их фрагментов), выдвижение того или иного его компонента (текста, фрагмента, ключевого слова-образа) на роль доминирующего, иначе – центрирующего, направляющего актуализированные (смыслопорождающие) процессы в единое русло. По мысли Л. Женни, трансформация и ассимиляция множества текстов осуществляются «центрирующим текстом, смысл которого оказывается главенствующим». Надо думать, что заданное центрирующим смысловым компонентом направление для ассоциирования, активизации соответствующих когнитивно-эмотивных и ценностных структур скажется во внутреннем пространстве сверхтекста в содержании релевантных словесных (семантических) рядов, их связях с иными «цельностями» (Л.В. Сахарный),

создаст представление о конфигурации смысловых связей относительно «оси» – максимальной смысловой установки. Тем самым определяется содержание принципа смысловой центрации – выдвижения в качестве приоритетных тех или иных смысловых установок, цельностей, которые определяют специфику «внутренней жизни» сверхтекста, позволяя его системе «находить свою структуру». Соответственно, под «внутренней жизнью» сверхтекста мы понимаем процессы семантического взаимодействия его разнородных контактных или дистантных текстуальных компонентов, процессы смыслового обмена, транспонирования, коннотативно-смысловой иррадиации, интроспекции объективных смыслов и смысловых элементов из актуализированных (предъявленных контролю сознания) и преактуализированных сфер концептов. Преактуализация в данном случае предполагает активирование ассоциативных связей в смысловом поле актуализированных компонентов определенных концептов, обуславливающее смысловые импликации, создание коннотативно-смыслового фона.

Каждый из текстов, komponующих сверхтекст, теми или иными своими единицами, прямо или опосредованно, цельно и фрагментарно, в силу активизации когнитивной среды, многомерной событийной структуры, своей концептосферы, соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, направленно воспроизводясь и актуализируясь в нем, воскрешая, порождая и сгущая смыслы, обеспечивая их взаимопроекцию, создавая условия для возникновения множественности интерпретаций.

Для теории сверхтекста принципиальное значение имеет получившее экспериментальное подтверждение в когнитивных исследованиях (У. Кинч, Э. Мросс) положение о том, что в процессе восприятия текста активируется большая часть парадигмы значений встретившегося полисеманта. Можно полагать, что неактуальные значения и смыслы создают своего рода ассоциативно-коннотативный фон, вызывая шлейф «мерцающих» смыслов, что для художественного текста имеет первостепенную значимость. В сверхтексте многозначность (полифония) таких единиц под воздействием единиц, направлено ассоциируемых из сопредельных текстов, будет эксцентриковаться, а сами процессы, приводящие к сгущению актуального семантического и смыслового содержания, охватываемого той или иной текстуальной единицей (образом), будут проходить более интенсивно. Слова-образы, редуцируясь в рамках сверхтекста, актуально сохраняют память о своих контекстных значениях и, следовательно, способны транспонировать цельность, тем самым устанавливая между отдельными текстами воспринимаемые читателем ассоциативно-смысловые связи и создавая условия для реализации смысловых инференций.

При описании внутреннего пространства сверхтекста резонно различать процессы смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных, межтекстовых, связей (в рамках

сверхтекста) и с другой – центробежных, интертекстуальных связей, сориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверхтекста, но в пределах актуальной части текстовой концептосферы, и, будучи актуализированными, интроецируются в текст. Благодаря первым происходит стяжение текстов в единую цельную конструкцию, благодаря вторым очерчиваются контуры «вписанности» сверхтекста в релевантном для него пространстве текстовой концептосферы. Поскольку сверхтекст повторяет свойства своих составляющих – текстов, поскольку отдельному тексту, рассматриваемому в горизонте обнаруживаемых с родственными ему других текстов, в горизонте явленной, осознанной целостности сверхтекста, может быть приписан статус потенциально-«свернутого» сверхтекста.

Обозначенный подход к целостности сверхтекста предполагает, что интегрируемые им тексты предстают носителями его признаков, свойств, однако центрирующее основание может или привноситься креатором извне (например, им могут стать те или иные факты биографии автора, метатема, метасюжет и пр.) или/и усматривается внутри сверхтекста, в той или иной его составляющей, а далее быть прослеженным во всех других составляющих с установлением релевантной референции к актуализированным фрагментам воссоздаваемой реальности.

Каждый из характеризующих цельностью смысловесущих компонентов-интегрантов сверхтекста, в силу действия принципа центрации и в силу своих собственных «проективных» свойств, может участвовать в обнаружении его ассоциативно-вербальной сети, актуализации и порождении смыслов и, следовательно, в конституировании целостности сверхтекста. Роль компонента или компонентов, направляющих, центрирующих смыслопорождение, могут выполнять наиболее значимые для интегрируемых в сверхтекст текстов словесно-концептуальные (метаконцептуальные) единицы, представляющие особенности ценностной текстовой системы, например, имя автора, различного рода, метатексты, заглавие книги, рукописи, журнала, подборки, цикла и пр., различные прагматически ориентированные эпитексты (предисловие, послесловие, преамбула, эпиграф и др.), ключевые слова-образы. Обнаружение диссипативной структуры сверхтекста, ее упорядочивание вследствие усматриваемой его целостности есть способ проявления его сущности и, следовательно, возможности ее постижения, осмысления. Будучи диссипативным концептуально-семантическим образованием, сверхтекст, как и личность его рецептора, постоянно пребывает в процессе развития, становления, обнаружения новых смыслов и новых ассоциативных соотношений между текстуальными компонентами (цельностями), рассредоточенными в его многомерном пространстве.

Текстовая и сверткстовая картина мира

Каждой культуре присуща своеобразная модель мировосприятия, связанная с набором взаимосвязанных универсальных понятий. Культурная картина мира включает позицию воспринимающего мир субъекта, его отношение различным предметам и явлениям окружающего мира, сформированное на основе представлений, полученных с помощью органов чувств. Однако, наряду с ними, в ней присутствуют культурно- специфичные черты, поскольку каждая культура характеризуется особым мировосприятием. Культурная, или концептуальная картина мира тесно связана с языковой, поскольку все знания носителей той или иной культуры о мире фиксируются в языке. С одной стороны, национальная культурная картина мира полнее и глубже языковой, поскольку язык фиксирует не все элементы национального видения мира, так что культурная и языковая картины мира, отличаясь большей стабильностью и устойчивостью, оказывает влияние на формирование собственно культурной, поскольку именно благодаря языку культурная картина мира способна передаваться из поколения в поколение и подвергаться анализу.

Языковая картина мира представляет собой «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и осмысляемых языком связях представляющего, во-первых, все то, что его окружает, среду и условия его существования: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком и мифов и социум».

Однако свойственная тому или иному народу языковая картина мира, единицы которой оказываются актуализированными на уровне слова, словосочетания, предложения, неизбежно носит абстрактный характер, в то время как каждый конкретный текст предполагает собственное мировидение. В тексте и сверткстексте осуществляется диалектическое взаимодействие объективного и субъективного, индивидуально-авторского сознания и восприятия действительности, характерного для всех представителей той или иной культуры на данном этапе ее развития. На всех уровнях иерархически организованной структуры художественного текста находит отражение индивидуально-авторская картина мира, в которой всегда взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное и которая строится на основе метафоризма.

Текстовая картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами. Прежде всего авторская модель мира отражается на лексическом уровне, поскольку существует явная зависимость и частности используемых в

тексте лексем, и набора семантических групп от авторской концепции. Выявить ее особенности возможно посредством анализа ключевых художественных концептов текста, которые, в отличие от собственно языковых, выражают индивидуально-авторское осмысление того или иного явления и характеризуются особенной образностью, символичностью. Репрезентация подобных концептов в тексте или совокупности текстов носит уникальный характер: в основе художественного концепта лежит ассоциация, он заключает в себе не только потенцию к раскрытию образа, но и разнообразные эмотивные смыслы, тяготеет к образам и направлен на них. В тексте происходит фиксация индивидуальных концептов автора и национально-культурных концептов, значимых для этноса, к которому относится писатель и на языке, которого он создает свой текст, при чем данные концепты выстраиваются определенным образом и реализуют своеобразные оттенки смысла, связанные с личностью автора, с теми или иными фактами его биографии и мировоззрения, с эпохой, в которую создавался данный текст, с его жанром или особенностями сверхтекстового единства, в которое он входит.

Анализ концептосферы необходим и в процессе исследования сверхтекстовой картины мира, которая представляет собой сложно организованное семантическое пространство данного сверхтекста; картину мира, характерную для данного сверхтекста, включающую элементы субъективного, характерного для индивидуально-авторских картин мира каждой составляющей сверхтекста, и одновременно отражающую объективный, целостный, присущий всем составляющим сверхтекста взгляд на данный внетекстовый объект. Сверхтекстовая картина мира складывается в пределах особым образом организованных систем текстов, в основе которых лежат мифологические коды. Через исследование концептов, ставших ключевыми для большинства текстов, входящих в сверхтекст, обобщение особенностей концептосферы всего сверхтекста и формулировку законов ее строения возможным становится постижение глубинной мифотектоники данного сверхтекста, связанной с той культурой, в рамках которой он создавался, постепенно пополняясь все новыми составляющими.

Для изучения сверхтекстовой картины мира необходимо очертить приблизительные границы концептосферы данного сверхтекста, выявив ядерный концепт, околядерные концепты, а также основные концепты ближней и дальней периферии. Следует учитывать, что, являясь динамичным смысловым образованием, концепт может актуализировать в различных ситуациях разные признаки, связанные с мировоззренческими, культурно-историческими, культурно-языковыми, индивидуально-смысловыми смысловыми оттенками, привносимыми в концепт в соответствующей лингвокультуре, поэтому в рамках того или иного сверхтекста могут быть реализованы признаки концепта, которые оцениваются как необычные с точки зрения русской языковой картины мира в целом.

Описание сверхтекстовой картины мира на основе концептосферы данного сверхтекста позволит получить доступ к четырем уровням содержащегося в нем культурологического контекста: денотативного, коннотативного, ассоциативного и метафорического, - выявить отразившиеся в нем ментальные предпочтения нации и сделать вывод о значении этого сверхтекста для развития той или иной культуры.

Лингвокультурные особенности

Особенный интерес для изучения русской лингвокультуры заслуживают локальный сверхтекст художественной литературы, связанный с изображением того или иного места, сыгравшего определенную роль в истории народа, и его разновидность – городской сверхтекст, в центре которого находится образ значимого для народа города, обладающего особой мифопоэтикой и в котором неизбежно получают отражение характерные для города доминантные точки, помогающие раскрыть его внутреннюю сущность, перейти от сугубо эмпирического образа города к его художественному восприятию и воплощению. Городские сверхтексты художественной литературы составляют большую часть локальных сверхтекстов, и их исследование необходимо не столько для постижения того, какой интерпретации в рамках данной культуры подвергается тот или иной город, сколько для понимания закономерностей самой культуры. В центре внимания находятся коллективно-авторские, несобранные, актуальные, неоднотипно структурированные городские сверхтексты.

Цельный образ того или иного города-текста всегда индивидуален, но в тоже время можно говорить о нескольких основных культурных типах города, выделяемых авторами работ о городских текстах: эксцентрическом и концентрическом, мужском и женском типах, типах города-девы и города-блудницы. Анализируя какой-либо город и сверхтекст, в основе которого он находится, нельзя основываться лишь на одной из перечисленных типологий: как текст самого города, так и порожденные им сверхтекстовые единства включают в себя признаки разных типологических рядов. В основе городского сверхтекста русской художественной литературы могут лежать мифологемы «город-тюрьма»; «город-магазин»; «город-гора»; «город-пещера»; «город-рай»; «город-ад»; «город-призрак»; «город-лабиринт»; «город-ловушка»; «город-пустыня»; «город-дом»; «город-любовь»; «город-Родина»; «город-прошлое (детство, юность)»; «город-часть самого человека»; «город-почва»; «город-пространство, имеющее постоянные атрибуты (транспорт, асфальт)»; «город-море»; «город-одиночество»; «город-противопоставленное даче пространство»; «город-склад»; «город-джунгли»; «город-бренд»; «город-карьера»; «город-власть»; «город-смерть»; «город-механизм»; «город-улей»; «город-праздник/мечта».

Используя термин «мифологема», мы подчеркиваем, что, с одной стороны, мифологема представляет собой динамическую единицу, «развертывание устойчивого образа» в пределах конкретного сверхтекста, с другой – мифологема, связанная с тем или иным городом, может представлять

собой сплав нескольких образов. Например, мифологема «Москва сакральная» включает в себя элементы образов Москвы – города-Феникса, города сорока сороков церквей и т.д.

В художественной литературе сложилось несколько ведущих городских сверхтекстов, что доказывает, как значимость данных городов в истории народа, так и богатство отечественной культуры. Так, первостепенное значение для отечественной культуры имеют Петербургский и Московский тесты отечественной культуры и т.д.

В отечественной науке существуют две тенденции написания названий городских сверхтекстов: с заглавной буквы (Петербургский, Московский, Киевский текст) и со строчной буквы (петербургский текст и т.д.). Заглавная буква в данном случае призвана подчеркнуть значимость городского сверхтекста как культурно-языкового феномена, важнейшего фрагмента отечественной культуры, изучение которого позволяет постичь ее особенности.

В процессе лингвокультурологического исследования того или иного городского сверхтекста необходимо выявление культурного кода или кодов данного города, лежащих в основе городского сверхтекста и проявляющихся в его языковой ткани, что позволяет описать основные особенности его мифотиктоники. Мифологеми городов, которым посвящены те или иные сверхтексты, становятся тем фундаментом, на котором строится сверхтекстовая картина мира, объединяющая отдельные признаки мира в целом, а также индивидуально-авторских картин мира, связанных с каждой составляющей сверхтекста. Так, сверхтекстовая картина мира, присущая Петербургскому тексту русской литературы, в которой большинство концептов, сопровождающихся в картине мира положительной оценкой, реализует негативные признаки, связана прежде всего с изображением столицы эксцентрического типа, города-блудницы, города-лабиринта, города-театра. Можно предположить, что от кода до определенной степени зависит набор ключевых концептов, связанным с городским пространством.

Заключение

Массив текстов, организующий культурное пространство, определенным образом структурирован, в нем обнаруживаются парадигматическое, синтагматическое, батизматическое измерения. Однако текстовые парадигмы и синтагмы представляют собой лишь некий каркас, некую динамическую схему проистекающих в культуре процессов, реальность же существования сверткестов может быть эксплицирована и объективирована только посредством метаописания, при этом созданные метатексты потенциально или актуально оказываются включенными в те или иные сверткестовые образования. Тем самым осуществляется движение от созданного к несотворенному, от индуцированного к индуктору. Внутренняя форма термина «сверткест» как раз и заключает в себе информацию о наличии в лингвокультурном пространстве текстовых объединений, возникших на основе смысловой аттракции автономных текстов, в ней же зафиксирован опыт рецепции конкретных текстов в аспекте присущей им «свертксемантичности».

Сверткест – это всегда целостность или совокупность текстов, каждый из которых вне этих объединений представляет собой целостное, автономное произведение.

Таким образом, сверткесты являются важным составляющими каждой культуры. Исследуя тот или иной сверткест как многоуровневую систему, компоненты которой, находящиеся в прямых и обратных связях, участвуют в создании целостного художественного пространства, возможно выделить тексты, составляющие его ядро и находящиеся на границе культурно-системного единства, выявить ключевые образы и мотивы, играющие немаловажную роль в различных произведениях, относящихся к сверткесту, и, разумеется, проанализировать их языковую ткань. Многие вопросы, касающиеся изучения сверткестов, до сих пор не получили разрешения, и в современной науке наблюдается большое число различных точек зрения на проблемы, связанные с их характеристикой и классификацией. Тем не менее, большинство исследователей признает важность изучения сверткестов, которые, являясь немаловажной частью национальной культуры, оказывают серьезное влияние на ее развитие и анализ которых необходим для ее постижения.

Список используемой литературы

1. Купина, Н.А. Сверхтекст и его разновидности / Н.А. Купина, Г.В. Битенская // Человек – текст – культура / под. ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 2004. – С. 215-222.
2. Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман. – М.: Книга, 1987. – 254 с.
3. Лошаков, А.Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования / А.Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – С. 102-342.
4. Меднис, Н.Е. Сверхтексты в русской литературе / Н.Е. Меднис. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. – 170 с.
5. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс-культура, 1995. – 624 с.
6. Топоров В.Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления «Преступление и наказание» / В. Н. Топоров // Structure of text and semiotics of culture. – The Hague; Paris: R., 1973. – P. 460-482; Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы: Введение в тему / В.Н. Топоров // Труды по знаковым системам. – Тартуский ун-т, 1984. – С. 4-29. – Вып. 18; Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В.Н. Топоров. – СПб.: Искусство, 2003.
7. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 220-256. – (Язык. Семиотика. Культура). – С. 227, 230, 250, 253.
8. Гуковский Г.А. О стадильности истории литературы / Подготовка текста, комментарии, вступ. Статья Д.В. Устинова / Г.А. Гуковский // Новое литературное обозрение. – № 55. – 2002. – № 3. – С. 106-131. – С.114, 110, 111.
9. Эпштейн М. От модернизма к постмодернизму: Диалектика «гипер» в культуре XX века / М. Эпштейн // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 16. – С. 34.
10. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л.В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221-237; Лошаков А.Г. Цельность как фактор моделирования сверхтекста / А.Г. Лошаков // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сб. науч. Статей. – Вып. 2. / Отв. Ред. Л.В. Чалова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – С. 6-11.

11. Аветян Э.Г. Семиотика и лингвистика / Э.Г. Аветян. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1989. – С. 157, 259.
12. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 13, 41, 313.
13. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Плоякова. – М., 1975. – С. 204.
14. Арнольд И.В. Указ. Соч. – С. 398.
15. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986. – С.74.